

Авдеенко Иван Анатольевич

СИМВОЛ И МЕТОНИМИЯ

В статье рассмотрены особенности символа, отличающие его от метонимии. При наличии сущностного противопоставления символа метонимии как знака тропу, их объединяет наличие в означаемом отношений смежности. Однако эта смежность носит различный характер по ряду функциональных свойств: направленность, бинарность, логичность, компрессивность метонимии и рассеянность, панрелятивность, алогичность и энантиосемичность, кумулятивность символа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье рассмотрены особенности символа, отличающие его от метонимии. При наличии суцностного противопоставления символа метонимии как знака тропу, их объединяет наличие в означаемом отношений смежности. Однако эта смежность носит различный характер по ряду функциональных свойств: направленность, бинарность, логичность, компрессивность метонимии и рассеянность, панрелятивность, алогичность и энантиосемичность, кумулятивность символа.

Ключевые слова и фразы: символ; метонимия; семантика; интерпретация; знак.

Авдеенко Иван Анатольевич, к. филол. н., доцент

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

iavdeenko@mail.ru

СИМВОЛ И МЕТОНИМИЯ[©]

Определяя специфику символа как знака особого рода, исследователи обращаются к неконвенциональным аспектам связи означающего и означаемого, метафорическим и метонимическим. Так, Р. О. Якобсон утверждал, что символический характер поэзии, её полисемантичесность есть следствие взаимодействия отношений сходства и смежности [6]. В некоторых современных исследованиях «метонимический символ» рассматривается как исторически предшествующий «метафорическому» [4]. Однако в большинстве работ, посвященных мотивированности символа, метонимический аспект семантики символа рассматривается как второстепенный, по сравнению с метафорическим, либо игнорируется. Существенность метонимического аспекта в семантике символа и недостаточность описания специфики символа в метонимическом аспекте обусловили обращение к данной теме.

Действительно, символ как знак со специфическим, панрелятивным означающим, соответствующим концепту в культурологическом смысле [1], имеет значительное сходство с метонимией, поскольку каждый конкретный семантический элемент в означаемом символа так или иначе связан, смежен с понятийным означающим одноименного символу конвенционального знака.

Вместе с тем в суцностном плане символ не является тропом и уже этим, как и в случае с метафорой, не тождествен метонимии. В функциональном плане специфика метонимии видится исследователями в непосредственной предикации референта агентом и совпадении буквальная рамки с фокусом, что не позволяет метонимии указывать на абстрактное содержание [5]. Однако это не единственное функциональное отличие.

Будучи тропом, метонимия реализует один из возможных способов номинации (переносный). Означающее символа с его предельным уровнем абстрактности не допускает иного, не символического способа обозначения. В качестве альтернативы может рассматриваться описательный способ, однако обозначение «по частям» меняет и характер восприятия означаемого: сгусток культурного смысла, понимаемый в качестве целостного, органичного единства, превращается в набор потенциальных значений. Иначе говоря, если метонимию можно рассматривать как форму вторичной номинации, символ в качестве таковой рассматривать нельзя: описание семантики символа автологическими средствами отягощает смысл элементами метаязыка описания.

В логическом аспекте функционирования метонимия актуализирует импликации двух понятий путем замены номинации одного компонента номинацией другого. Символ же выходит за рамки логики, поскольку допускает не только непосредственные, но и опосредованные пропущенными (утраченными, трансформировавшимися) связующими элементами импликации. Это порождает новые возможности сочетаемости. Например, сочетание «разбить сердце» с точки зрения логических импликаций невозможно: нет такого объекта (целого, части, причины, условия, следствия и т.д.), который в данном случае мог бы быть метонимически назван словом «сердце», так как никакая из этих импликаций не имеет признаков твердости, хрупкости, заданных метафорой «разбить». С точки зрения символического значения слова «сердце» существует широкий спектр ассоциативной смежности: жизнь, чувство, расположение, целеустремленность, осмысленность, предпочтительность и т.д., который допускает совместное использование слова «сердце» и слова «разбить». Метафорическое значение номинации «сердце» по сходству функции обусловлено символическим, которое, в свою очередь, обеспечено метонимическим механизмом символизации: то, что ассоциируется с жизнью (чувством, расположением, целеустремленностью и т.д.), может метафорически рассматриваться как нечто, обладающее признаком хрупкости.

В каждом случае метонимии как замены имен смежных понятий устанавливается определенное направление связей, актуализируется одна из логических цепочек. В случае с символом все, в том числе разнонаправленные, ассоциативные цепочки актуализируются одновременно, что приводит к ассоциированию элементов различных направлений, в том числе взаимоисключающих. Так, символическое содержание номинации «дом» ассоциируется со свободой и тюрьмой, возможностями общения и его ограниченностью, подчиненностью и главенством и т.д., «река» – с движением и статичностью, жизнью и смертью, путем и преградой и т.д. Это свойство символа делает его незаменимым при обсуждении сложных и внутренне противоречивых явлений жизни с учетом того, что различие аспектов может приводить к эффекту мнимого взаимопонимания, при котором одни и те же слова наделяются разными смыслами.

Метонимия, как и метафора, базируется на принципе фиктивности [3], рассматривать метонимичную форму выражения как буквальную невозможно, поскольку это не согласуется со здравым смыслом и понятийной сочетаемостью. Означаемое символа мыслится как изначально заданная реальность, существующая независимо от мнения, видения, точки зрения отдельного человека и в конкретном, и в отвлеченном аспекте; оно не предполагает действий по верификации соответствия означаемого означаемому. Символ находится и вне возможности трансформации микроконтекста в нечто логичное, непротиворечивое, поскольку алогичность и противоречивость предусматриваются природой означаемого символа.

Метонимия может рассматриваться как механизм компрессии, в котором первичная, уточненная распространителем номинация опускается как лишняя, само собой разумеющаяся, а вместо нее используется трансформированная или буквальная номинация конкретизатора первичной номинации, имеющая более важное значение. Например, выражение «лекарство от головы» – свернутое сочетание «лекарство от головной боли», «выпить два стакана» – «выпить воды в объеме двух стаканов». В отличие от метонимии, символ не компрессирует содержание высказывания за счет редукции средств прямого выражения, а кумулятивно расширяет его, подразумевая под собой все возможные связи. Символ не редуцирует и форму высказывания, поэтому контекст его упоминания невозможно дописать, указав другим способом то, что обозначено символом.

Метонимия в отличие от символа и метафоры не интерпретируется, а дешифруется, поскольку прямой и переносный (фактический и подразумеваемый) вид формы выражения семантически тождественны. То, что выражается метафорой и символом, не имеет другого способа обозначения (речевого в случае с метафорой и языкового в случае с символом) и локальности семантики, ограничивающей пределы их понимания. Из этого следует, что осознанное оперирование метонимией ориентировано на результат, хотя и обеспечивает актуализацию (разрушение автоматизма восприятия речи), а оперирование символом и метафорой – на процесс понимания.

Как и метафора, метонимия может лежать в основе образования фразеологизмов, в том числе с утратой метонимической связи в пределах идиомы. Значение фразеологизма, основанного на метонимии, тем не менее не выводится из значений его компонентов. Символ в составе фразеологизма не только не утрачивает своих свойств, но и фрагментируется: фиксирует во фразеологизме частное отношение концепта. Например, «железная дорога» может условно интерпретироваться как всё, частью чего является дорога, сделанная из железа (рельсы, вокзалы, поезда, пассажиры, станции, разъезды, работники). В то же время символический смысл слов «дорога» и «железный» (производное от «железо») выводится из состава фразеологизма и составляет его семантику. «Дорога» – ‘жизнь человека в ее предопределенности’, «железо» – ‘бесчувственность, непоколебимость, неспособность к пониманию’. В сочетании символы дают смысл, соотношенный с семантикой двух символов: ‘то, что ведет по жизни человека, лишённое чувства, понимания; лишаящая возможности выбора пути сила надличностного порядка’.

Особую роль в системе культуры (в плане её базовых мифологических метафор [2]) играет метонимия типа *pars pro toto* (синекдоха). Именно она предполагает, что в каждой части чего-то большего заложены его свойства. Магия по аналогии предполагает, что в данном случае речь идет не о мыслимой аналогии, а о реальной идентичности: разбрызгивая воду, можно добиться дождя, поскольку в каждой капле живет бог дождя и т.п. [Там же]. Использование символа в трансцендентных практиках и языке культуры опирается не столько на логику аналогии, понимаемой как реальная идентичность, сколько на логику осмысления абстрактного и управления им посредством знаковых «зацепок» конкретного и абстрактного. Причем такие практики носят преимущественно созерцательный и познавательный, а не манипулятивный характер. Например, капля воды в символическом плане представляет не воду как таковую, а идеи жизнестойкости и всего, что с ней связано (живая вода доступна в предельно малых объемах), ценности малого (чем меньше остаток воды, тем он дороже), зыбкости и временности формы и т.д.

Функция семиотической «зацепки» абстрактного (идеального) за конкретное (реальное) позволяет символу использоваться и в психологических практиках якорения. В отличие от механизма метонимии (представлявшего бы в данном отношении поведение человека как совокупность безусловных и условных рефлексов), механизм символического перехода к абстрактному от конкретного и обратно опосредуется человеческой способностью к абстрагированию, мышлению в логически и словесно невыразимых категориях. При этом каждый символ, выступающий в качестве семиотического «якоря», втягивает человека в систему сложных, культурно значимых представлений, намечающих связи, отсутствующие в опыте непосредственного наблюдения и совершения логических операций.

Таким образом, в составе существенных функциональных отличий символа от метонимии следует учитывать следующее: 1) символ, в отличие от метонимии, не является формой вторичной номинации: его абстрактное значение не воспринимается как фигуральное; 2) метонимия как вторичная номинация опирается на логические импликации, смежность в семантике символа носит ассоциативный характер; 3) метонимия задает одно направление соотношенности, символ выстраивает различные, в том числе противоположные ассоциативные ряды; 4) смысл метонимии выявляется в процессе верификации очевидно алогичного, семантика символа данной процедуры не требует, поскольку она изначально понимается как несомненная, несмотря на возможную алогичность; 5) метонимия компрессирует форму и содержание высказывания, символ кумулятивно расширяет план содержания относительно устойчивой языковой формы; 6) семантика символически понимаемого фразеологизма, в отличие от семантики фразеологизма, основанного на метонимическом переносе, выводима из семантики составляющих его символов; 7) в отличие от метонимии *pars pro toto* (синекдохы), символ не замещает собой всего обозначаемого, а семиотически (не в силу природной общности) связывает конкретное и абстрактное; 8) каждый символ, представляя собой семиотический якорь, заставляет человека выходить за пределы личного практического опыта, переводит его мышление в сферу сложных культурных представлений.

Список литературы

1. **Авдеенко И. А.** Концепт, символ, текст: пространство эксперимента // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2010. № 1-2 (1). С. 45-48.
2. **Кассирер Э.** Сила метафоры // Теория метафоры: сб. статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 33-43.
3. **Телия В. Н.** Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203.
4. **Шелестюк Е. В.** О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125-143.
5. **Шелестюк Е. В.** Символ *versus* троп: сравнительный анализ семантики // Филологические науки. 2001. № 6. С. 50-58.
6. **Якобсон Р. О.** Лингвистика и поэтика / пер. с франц. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова; сост. М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

SYMBOL AND METONYMY

Avdeenko Ivan Anatol'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Amur Classical-Pedagogical State University
iavdeenko@mail.ru

The author considers the features of a symbol that distinguish it from metonymy. In the presence of symbol essential opposition to metonymy as a sign to trope they are united by the presence of adjacency in signified. However, the adjacency has a different character in a number of functional properties: orientation, binarity, logicity, the compressive character of metonymy and distraction, panrelativity, illogicality and enantio-semantics, the cumulative character of a symbol.

Key words and phrases: symbol; metonymy; semantics; interpretation; sign.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена гендерным исследованиям, являющимся одним из приоритетных направлений современной лингвистики, и раскрывает гендерную специфику англоязычного политического текста на разных уровнях языковой системы. Основное внимание автор акцентирует на гендерном анализе структурно-содержательного и лингво-стилистического аспектов политического текста. В работе также рассматривается влияние социокультурных и психологических факторов на особенности текстопорождения политиков-мужчин и женщин.

Ключевые слова и фразы: гендерные исследования; лингвистика; текст; политический дискурс; стилистические средства; содержательные и структурные особенности политического текста.

Александрова Елена Сергеевна, к. филол. н.
Волгоградский государственный университет
elona1@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА[©]

На сегодняшний день гендерные исследования являются одним из приоритетных направлений современной лингвистики и проводятся на языковом и коммуникативном материале, дающем представление о гендерных особенностях речевого поведения представителей лингвокультурных общностей, профессиональных и возрастных групп.

Вторая половина XX века явила миру новый феномен политической жизни – своего рода прорыв женщин в высшие эшелоны власти, что способствовало некоторому изменению сложившегося стереотипа: политика – для мужчин, а семья, дети – для женщин. Так, женщины в США получили возможность выбора во всех направлениях человеческой деятельности. Появились женщины и в государственной администрации, причем порой на самых престижных постах. Женщины стали членами Верховного суда, послами в других странах, сенаторами, губернаторами и министрами. В связи с этим в последние десятилетия активно изучается гендерная специфика именно политического дискурса (С. Г. Айвазова, Г. Л. Кертман, И. В. Талина и др.).

Целью нашего исследования стало выявление и анализ гендерных особенностей политического текста на содержательно-структурном и лексико-стилистическом уровнях языковой системы. В своем исследовании мы обратились к стенограммам выступлений губернаторов США в рамках ежегодных (посланий) обращений к конгрессу. В посланиях "О положении штата" губернатор детализирует свою программу, излагает суть своих законодательных инициатив. Опытный глава исполнительной власти использует послания как способ обнародования своей повестки дня и как средство привлечения внимания общественности к своей деятельности. Таким образом, мы пришли к выводу, что основными функциями политического текста данного жанра являются информационная и функция воздействия.